

Низами Гянджеви и Грузия

Беседа с академиком К. Кекелидзе

Великий поэт и мыслитель братского азербайджанского народа Низами Гянджеви ждал и творил в эпоху Руставели, в эпоху расцвета хозяйственной, политической и культурной жизни Грузии. В те времена грузинская культура становилась синтезом цивилизации Востока и Запада. На этой почве возрос могучий гений Руставели, который впял все великие традиции минувших культур и создал оригинальное произведение, не меркнувшее в веках поэму «Витязь в тигровой шкуре».

Родина Низами — феодальная монархия Ширваншахов — была в вассальной зависимости от Грузии. Ширваншах Ахсартан, по поручению которого Низами написал свою поэму «Лейла и Меджнун», был внуком дочери знаменитого грузинского царя Давида Строителя. Между Ширваншахами и грузинским двором было тесное общение. Как и при грузинском дворе, так и при дворе Ширваншахов почитались многочисленные поэты, писатели, философы, музыканты, врачи и воспитатели на традициях иранской поэзии, философии и музыки. Иранская литературная мысль оказывала значительное влияние на грузинскую. И хотя в Грузии весьма ощущалось дыхание Запада, иранская традиция была настолько сильна, что даже оригинальные грузинские произведения имели заимствованную, иранскую форму. При всем этом литература соседних народов испытывала сильнейшее влияние грузинской литературы. Грузия, ее области, имена ее героев были известны в Азербайджане. Современник Низами, крупнейший азербайджанский поэт Хакаки в посвященной Андронику Комену оде говорит:

«...Ворота Абхазии открыты мне,
И поиду в Начаргаеву,
У Багратликов найду я приют!..»

Слова эти не случайны. Хакаки говорит о Грузии (Абхазии), как о дружественной стране, где он может найти приют и опору. Хорошо известны ему и местности, где расположены поместья владетелей Грузии, Багратликов. Начаргаевы находились в районе Мухрани — Карагези, которые принадлежали Багратликам.

Ширваншахи были частыми гостями в Грузии, и если приезжал владетель, то за ним тянулась огромная свита — придворные, челядь, поэты, музыканты, певцы, канатные плясуны, меткие стрелки, наездники — все, кто мог в те времена представить страну, и все, чем мог похвалиться представитель власти.

Историк царьцы Тамары сообщает, что Ширваншах Ахсартан II не раз приезжал в Грузию в сопровождении блестящей свиты. Во время одного такого визита в 1193 году для гостей было устроено сказочное празднество, на котором состязались поэты. Нет основания думать, что из этой блестящей свиты, в которую входили и поэты, был исключен пользовавшийся повсеместной известностью Низами Гянджеви.

Во всяком случае, произведения Низами были известны в Грузии при жизни самого поэта. Об этом свидетельствует поэма Руставели.

Руставели — глубокий знаток художественных произведений того времени, несомненно, знал и произведение Низами «Лейла и Меджнун».

В поэме Руставели встречаются отголоски «Лейлы и Меджуна». Так, в поэме Низами отец Кейсы (Меджуна), почтенный, могущественный араб, «скакивал в доловствие всю жизнь», во его огорчало, что у него нет сына. Почтенный, могущественный царь Ростеван также мог бы прожить в доловствие всю жизнь, но и его огорчало и смущало, что у него нет сына. Чувство взаимной привязанности зарождается в сердцах Лейлы и Меджуна еще в детстве, в школе, где они вместе воспитывались. Влюбленные друг к другу чувствуют Таризаль и Нестан-Дареджан с детства.

Меджнун и Таризаль питают особую привязанность к животным, в обществе которых они проводят жизнь в пустыне.

Лейлу родители выдают замуж насильно, против ее воли, за Иби-Сеяма; в его доме она чувствует себя, как в плену, в темнице. В Каджетской крепости томится Нестан Дареджан, она обречена, ей предстоит выйти замуж за каджетского принца.

Есть и другие, схожие черты в построении сюжета обеих поэм: «Венхас ткаосаян» и «Лейла и Меджнун».

Но дальше этих черт, чисто внешних, сходство произведений двух величайших поэтов не идет.

Руставели и Низами — разные люди по своему мироощущению и темпераменту. Каждый из них совершенно самостоятелен в обработке и трактовке одной и той же сюжетной основы, состоящей в стремлении к обещанию и слиянию двух страстно любящих существ, разлученных внешними объективными причинами. Самостоятельны они и в описании харак-

теров действующих лиц, в своем отношении к ним. Вот к примеру строки Низами:

«Вручи меч женщине, будет все же
Женшиной только, как и на ложе,
Пусть даже храбре львиной она,
Быть женщиной женщина рождена!»

Теперь вспомним строки Руставели, где он говорит о женщине. Царедворцы, с которыми арабийский царь Ростеван совещается относительно передачи престола дочери его Танафия, говорят:

«Женщина она, но небо ей в удел
Простою судило;

Мы не злым тебе: достойна Танафия
Принять венец.

Светозарный путь парвеню ярок,
Словно хол светила;

Льву во всем подобен левенок, будь
То самка или самец.»

Живший в одну эпоху с Руставели, известный Грузии много веков назад, автор «Лейлы и Меджуна» и других гениальных произведений близок и дорог грузинскому народу. Чарующие стихи Низами в подлиннике и в переводах пленяли не только избранные литературные круги, но и широкие народные массы, которые любили поэта братского Азербайджана и восторжались его творчеством. Варианты «Лейлы и Меджуна» в течение столетий передавались в Грузии из уст в уста. Имена героев Низами стали нарицательными у грузин.

Предприимчивый Тбилиским университетом перевод двух поэм Низами — «Лейла и Меджнун» и «Хосров и Ширван» (переводчик А. Челидзе, редакция — Ю. Абуладзе, М. Хубуа, Д. Кобидазе, Б. Кенягидзе) даст новый толчок к изучению творчества Низами Гянджеви.